

????? ??????? ??????????
??????????

Василий Легейдо — об особенностях пунктуации в прозе Кормака Маккарти

В американском литературном фольклоре Кормак Маккарти — фигура почти мифическая. Отшельник, десятилетиями избегавший интервью и живший как герои его произведений. Безжалостный рассказчик, не побоявшийся сделать главным героем некрофила или во всех подробностях рассказать, как младенцев забивают камнями. Мыслитель, поместивший в основу своей концепции мироздания насилие. Писатель, который предпочитал обществу коллег компанию ученых. Библиофил, собравший за долгую жизнь примерно 20 тысяч книг обо всем, от философии Гегеля и Витгенштейна до истории «Формулы 1». А еще — изощренный стилист. Отрывистые предложения из ругательных междометий он чередовал с потоками мысли, не стесненными ни сюжетом, ни пунктуацией. Особые отношения Маккарти со знаками препинания вообще часто становятся серьезным препятствием для тех, кто только начинает погружаться в его творчество. Он принципиально отказывался от тире и кавычек в диалогах, считая, что они нарушают ритм текста и искажают задумку. О том, как Маккарти начал презирать эти и другие знаки препинания, — в тексте Василия Легейдо.

Когда в марте 2007 года телеведущая Опра Уинфри выбрала для своего книжного клуба «Дорогу» Кормака Маккарти, тысячи верных зрителей ее ток-шоу ринулись в магазины и смели с прилавков роман, за который писателя через несколько недель наградили Пулитцеровской премией. Но многие из них, несмотря на скромный объем произведения, так и не смогли его закончить. Не из-за безрадостного постапокалиптического сеттинга, а потому что не получилось продраťся через фирменные диалоги Маккарти, никак не выделенные на фоне авторской речи. Да и на запятых, как показалось некоторым фанатам Опры, автор «Дороги» явно сэкономил.

А еще примерно через год Уинфри представилась почти уникальная возможность расспросить писателя лично об особенностях его стиля. Уникальная — потому что Маккарти практически не давал интервью и вообще избегал публичных выступлений.

«Нет никаких причин пачкать страницу странными маленькими закорючками, — сказал автор „Дороги“ Опре. — Если вы пишете как надо, то вам не нужна пунктуация». И добавил: «Я верю в точки, в заглавные буквы, в запятую по случаю — и на этом всё».

Такой подход делал Маккарти сложным автором не только для читателей, но и для переводчиков. Тем приходилось придумывать, как адаптировать специфическую пунктуацию. Например, «Дорогу» в переводе Юлии Степаненко критиковали за то, что она решила снабдить все диалоги отсутствующими в оригинале тире. А Игорь Егоров и Максим

Немцов, переводившие «Кровавый меридиан» и «Саттри» соответственно, решили оставить авторский вариант прямой речи, каким бы непривычным он ни был.

Обычный фрагмент «Саттри» выглядит так:

Хэррогейт сгреб одеяло в охапку. Кто-то в камере окликнул Саттри, мол, дочитал ли он уже газету.

Ага, ответил он. Приходи забирай.

Сложи да пульни сюда.

Саттри сложил газету и попробовал вспомнить, как их швыряют при доставке.

Черт бы брал, Саттри, ты что, газеты никогда не развозил?

Нет.

Наверно, тебе тогда деньги на карман давали.

Человек выкарабкался со своей шконки и двинулся по проходу.

Пренебрежительное отношение к избыточной пунктуации сформировалось у Маккарти еще на стыке 1950-х и 1960-х, когда он учился в университете штата Теннесси. Там будущий великий затворник проходил курс английской литературы у профессора Роберта Дэниела. Тот параллельно с преподаванием составлял антологию эссе авторов XVIII века для начинающих писателей. Как-то Дэниел предложил Маккарти подработку — за небольшую плату прочитать эссе и отредактировать пунктуацию, избавившись от всего лишнего. Избыток запятых, тире и других разделительных знаков профессор считал стилистическим уродством. Его убежденность передалась Маккарти.

«Я взял их [эссе] домой и увидел, что они написаны очень хорошим языком, но знаки препинания расставлены крайне плохо, — вспоминал Маккарти. — Каждые несколько строчек всплывала точка с запятой, и это было просто ужасно. Мне пришлось до какой-то степени переработать текст, чтобы расставить пунктуацию правильно и сделать ее проще». По словам Маккарти, когда он принес показать Дэниелу одно исправленное эссе — авторства писателя Джонатана Свифта, — профессор сказал, что получилось прекрасно. «Тогда я понял, что пунктуация и правда важна, — продолжал Маккарти. — Важно расставлять знаки препинания так, чтобы читать было проще».

Позже литературоведы сопоставили количество знаков препинания в исходном тексте Свифта и в отредактированной Маккарти версии, которая в итоге вошла в антологию Дэниела. У автора «Путешествий Гулливера» насчитали 70 знаков препинания, включая 51 запятую, а в исправленном варианте — 53 знака, из которых 40 — запятых.

Во многом именно крестовый поход Дэниела против лишних запятых пробудил у Маккарти интерес к литературе. Он рассказывал, что после той подработки впервые попробовал писать и начал читать взахлеб. Происходило все это уже вне стен академии: летом 1960 года и Маккарти, и Дэниел оставили университет Теннесси.

Взгляды Маккарти на пунктуацию формировались не только под влиянием профессора. Первым прочитанным им автором, который специально игнорировал кавычки, был писавший о Гражданской войне в США МакКинлей Кантор. Из его романов Маккарти понял, что

отсутствие «странных маленьких закорючек» обязывает писателя больше думать о том, как его текст будет восприниматься со стороны: «Надо отдавать себе отчет в том, что кавычек нет, и направлять читателей, чтобы было ясно, кто говорит».

Отсутствие пунктуации использовалось как художественный прием в англоязычной литературе задолго до Маккарти. Кроме Кантора, в первой половине и середине XX века им пользовались Гертруда Стайн, Вирджиния Вулф, Сэмюэл Беккет. А для британской писательницы и журналистки Дороти Ричардсон оно стало социальным жестом. Ричардсон говорила, что «женская проза должна освободиться от пунктуации и двигаться из точки в точку без формальных препятствий». Впрочем, позднее писательница передумала и даже извинилась, что создавала читателям «ненужные трудности».

Рассуждение об особенностях пунктуации Маккарти было бы неполным без упоминания еще одного автора — Джеймса Джойса, чей «Улисс» он называл в числе безусловных шедевров наряду с «Шумом и яростью», «Братьями Карамазовыми» и «Моби Диком». Маккарти, которого с Джойсом объединяли ирландские корни и вольное обращение со знаками препинания, называл того «хорошим образцом в плане пунктуации», поскольку он «сохранял ее уровень на абсолютном минимуме».

От запятых и точек, транслируя поток сознания персонажа, готовящегося покончить с собой, отказался и Уильям Фолкнер в романе «Шум и ярость». На обвинения в излишне витиеватом стиле и отсутствующей пунктуации Фолкнер всегда реагировал раздраженно. Как-то интервьюер сказал ему: «Некоторые говорят, что не понимают, о чем вы пишете, даже после того как перечитывают одно место по два-три раза. Что вы посоветуете таким людям?» Фолкнер сухо ответил: «Пусть прочитают в четвертый».

Маккарти наверняка ответил бы на такой вопрос в том же духе. Впрочем, в экспериментах с пунктуацией он пошел еще дальше Фолкнера. Когда специалист по социальной нейронауке Адам Кэлхун изобразил отрывки из двух своих любимых произведений, «Кровавого меридиана» Маккарти и «Авессалом, Авессалом!» Фолкнера, убрав все слова и оставив лишь пунктуацию, различие вышло разительным: у Фолкнера — россыпь скобок, запятых, кавычек и вопросительных знаков, а у Маккарти — скупая вереница точек, изредка перемежающихся запятыми и вопросами.

Называя стремление к «простоте» одной из причин, по которым он презирал запятые, точки с запятыми, кавычки, вопросительные и восклицательные знаки, Маккарти не имел в виду, что без них произведение будет читаться легко, как сказка для дошкольников. Скорее он подразумевал, что пунктуация не должна использоваться как костыль для понимания текста, а текст должен быть достаточно содержателен сам по себе, чтобы в нем было что понимать и без «закорючек». Для Маккарти было важно встроить читателя в историю не только через сочетание слов и знаков в «правильной» последовательности, но и через ритм, зачастую не зависевший от пунктуации и не сочетавшийся с ней. В этом его книги похожи на музыкальные произведения, которые часто воспринимаются не на уровне слов и нарративов, а на уровне звуков и эмоций.

Образы и настроения у Маккарти создавались не только за счет того, о чем говорилось, но и за счет того, как говорилось. Насыщая текст своего самого объемного, самого автобиографичного и — по мнению многих исследователей — самого тяжелого романа «Саттри» старомодным сленгом жителей теннессийского захолустья и мореходными терминами, он не питал иллюзий по поводу того, сколько читателей, продираясь через текст, поймут абсолютно все, о чем в нем говорится. Однако он писал именно таким языком и выбирал именно такую пунктуацию, чтобы воспроизвести во всей полноте опыт жизни главного героя в плавучем доме в Ноксвилле в начале 1950-х, а не просто написать «сочинение на тему».

Как отмечает американский литературовед Джей Эллис, «Маккарти разработал стиль, во многом основанный на *звучании* языка». Эллис предлагает различать «звуки, приятные сами по себе, — слова и фразы, сочетание которых приносит эстетическое удовольствие, — и звуки, которые несут определенное значение». Развивая эту мысль, исследовательница творчества Маккарти Рэйчел Фьюри пишет: «В случае „Саттри“ многие слова во фрагментах с описанием города могли быть выбраны за свое значение и свое звучание. Именно этим можно объяснить такое обилие слов, [с большей долей вероятности] неизвестных читателям». По словам Фьюри, текст устроен таким образом, чтобы отображать события внутреннего мира главного героя и изменения в городе, где он пытается обосноваться, не только концептуально, но и фонетически.

Логично предположить, что на тех же соображениях основывался и подход Маккарти к пунктуации. Часто отсутствие знаков препинания помогало отобразить внутренний голос персонажа: ведь люди, думая про себя, не расставляют запятые и тире. А порой такой подход задавал определенное «течение» текста, которое в свою очередь передавало ощущение времени, места и события. Иногда для этой цели Маккарти соединял слова, которые обычно писались отдельно — получались, например, *burntlooking* («обгореловыглядящий») вместо *burnt looking* или *looking burnt*, *roofingfelt* («толь» или «рубероид» — название кровельного и гидроизоляционного материала) вместо *roofing felt* и *coathanger* («плечики для одежды») вместо *coat hanger*.

По той же причине Маккарти редко пользовался апострофами, даже там, где они были необходимы по правилам: не хотел, чтобы текст казался нагроможденным, а «закорючки» навязывали сознанию читающего ненужные паузы. В «Дороге» такой подход обосновывался еще и сюжетно: мир после глобальной катастрофы, где больше не работали якобы незыблемые нормы и привычные установки, сводился к конкретным действиям и элементарным целям. Выжившие не хотели возродить человечество и все исправить, а просто пытались уцелеть еще один день. Маккарти использовал соответствующий язык, «сшив» плавный текст из самых простых элементов. Язык, по большей части свободный от запятых и апострофов, но обремененный их отсутствием. Отсюда и парадокс стиля Маккарти: он обеспечивал простоту в понимании автора — в смысле фонетической плавности и ритмического соответствия звучания и содержания — но делал текст сложным в том плане, в каком понимали сложность многие читатели. Впрочем, Маккарти скорее лишился бы читателей, чем стал литературным конформистом.

В 2005 году Маккарти узнал, что его знакомая, физик-теоретик Лиза Рэндалл закончила черновик своей первой книги, научно-популярного путеводителя по теориям, объясняющим устройство мира, и попросил прочитать рукопись. Через какое-то время Рэндалл получила обратно плотную стопку с пометками на каждой странице. «Он прочитал все, — рассказывала ученая. — По сути, он проделал редактуру. Избавился от некоторых точек с запятыми, которые показались ему неуместными. А еще, как оказалось, восклицательные знаки нужны *только для восклицаний!* От них тоже избавились. Он по-настоящему *сгладил* текст». Книга Лизы Рэндалл вышла под названием «Закрученные пассажи. Проникая в тайны скрытых соразмерностей пространства» и получила положительные отзывы. В 2011-м Маккарти выполнил роль редактора для другого физика-теоретика Лоуренса Краусса, взявшись за рукопись биографии одного из создателей квантовой электродинамики Ричарда Фейнмана «Квантовый человек». Не изменяя себе, он попросил у автора разрешения «вычистить» точки с запятыми и восклицательные знаки, потому что им «не место в литературе».

Над Маккарти не раз подшучивали за его пунктуационные причуды: например, в 2023 году на сайте пародийных новостей Rubber Ptarmigan («Резиновая куропатка») появилась заметка о том, что новый роман Маккарти «Пассажир» полностью состоит из одних кавычек — без других знаков препинания и даже без слов. Автор якобы хотел, чтобы «волна кавычек еще раз пронесла тебя, пассажир, через все мои романы и помогла тебе прожить их все еще раз, взглянуть на них с той перспективы, которую я приобрел, достигнув зрелого возраста». Многие считают отказ от пунктуации стилистической прихотью, формой интеллектуализма и выпендрежа. Но для самого Маккарти бунт против «закорючек» был действием не столько стилистическим, сколько мировоззренческим. Некоторым казалось, что, отказываясь от норм оформления прямой речи или разделения сложных предложений, он привносил в текст хаос. Но Маккарти, говоря, что тем, кто «пишет как надо», пунктуация не нужна, показывал, что вообще не верит в пунктуацию как в меру формальной и концептуальной строгости произведения. Для него то, что в тексте не было кавычек, запятых и апострофов, отнюдь не значило, что он не мог быть стилистически и содержательно выверен. И даже наоборот: в таком сплошном тексте Маккарти видел больше порядка, чем в том, где мысль каждые несколько слов спотыкалась о знаки. Поэтому так и писал.

Revision #1

Created 29 December 2025 09:12:01 by Anton

Updated 29 December 2025 09:13:36 by Anton